

Horror Story

Говард Лавкрафт

ХРЕБТЫ БЕЗУМИЯ

Хроника Антарктической экспедиции,
ОБЕРНУВШЕЙСЯ КОШМАРОМ ДЛЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Иллюстрированное издание

РИПОЛ КЛАССИК

УДК 82-3
ББК 84(4Сое)6-44
Л13

Лавкрафт, Говард

Л1 Хребты безумия / Г. Лавкрафт ; [пер. с англ. А. В. Третьяковой, А. И. Агеева, Г. О. Шокина, В. М. Липки ; вступ. ст. А. В. Речкина ; прил. А. Лотермана]. — М. : РИПОЛ классик, 2023. — 400 с. — (Hogor Story: Иллюстрированное издание).

ISBN 978-5-386-14937-6

Гениальный новатор, отказавшийся от привычных атрибутов «страшного рассказа» в пользу абсолютно оригинальной манеры повествования. Изобретатель нового художественного языка, не имевший равных на ниве массовой словесности. Затворник, посвятивший свою жизнь литературе о сверхъестественном. Всё это — Говард Филлипс Лавкрафт, визионер, узревший нашу Вселенную во времена ее детства...

Настоящее издание продолжает знакомить читателей с классическими «мифами Ктулху». В книгу вошли повести и рассказы об ученых и энтузиастах, вовлеченных в невероятные исследования загадочных мест на Земле и других планетах. Энергичные искатели приключений не представляют, в какие бездны древности это их заведет... и с какими кошмарными формами жизни им предстоит столкнуться...

**УДК 82-3
ББК 84(4Сое)6-44**

- © Третьякова А. В., перевод на русский язык, составление, 2022
- © Агеев А. И., перевод на русский язык, составление, 2022
- © Шокин Г. О., перевод на русский язык, составление, 2022
- © Липка В. М., перевод на русский язык, 2022
- © Речкин А. В., вступительная статья, составление, 2022
- © Воронцова К. В., составление, 2022
- © Лотерман Алексей, приложение, 2022
- © Ильиных А. Н., художественное оформление, 2022
- © Нестерова Е. В., художественное оформление, 2022
- © Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2023

ISBN 978-5-386-14937-6

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Речкин.

К хребтам безумия и обратно.

Осмысление творчества Г. Ф. Лавкрафта.....5

ХРЕБТЫ БЕЗУМИЯ

Претворение Хуана Ромеро.

Перевод А. И. Агеева.....19

Безымянный Город.

Перевод Г. О. Шокина.....30

Узник фараонов. *Перевод Г. О. Шокина*.....48

Хребты безумия.

Перевод А. В. Третьяковой.....87

В стенах Эрикса. *Перевод Г. О. Шокина*.....250

СТАТЬИ И ЭССЕ

Перевод В. М. Липки

Создание литературного произведения.....293

Уинифред Вирджиния Джексон:

поэтесса, «не такая, как все»310

Лорд Дансени и его труды321

Rudis indigestaque moles339

В кабинете редактора.....344

Труды Фрэнка Белнэпа Лонга-младшего.....350

ПРИЛОЖЕНИЕ

Алексей Лотерман. Омут шогготов.....363

К ХРЕБТАМ БЕЗУМИЯ И ОБРАТНО. ОСМЫСЛЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА Г. Ф. ЛАВКРАФТА

В настоящее издание вошли замечательный роман, рассказы и эссе классика американской фантастической литературы Говарда Филлипса Лавкрафта (1890–1937). Во вступительной статье мы поговорим об этих произведениях, вспомним, что подтолкнуло автора к работе над ними, какими были оценка критиков и отношение писателя к своему творчеству. Надеемся, что данный обзор поможет читателю освоиться в мирах, созданных воображением одного из крупнейших писателей XX века.

Наша история начинается в сентябре 1919 года, когда двадцатидевятилетний Лавкрафт прочитал рассказ лорда Дансени «Время и боги» и влюбился в творчество этого автора. «Первый же абзац сразил меня, словно удар током...» — писал позже американский фантаст. Он тут же предпринял активные поиски других книг Дансени и был чрезвычайно обрадован, узнав, что в начале ноября тот должен выступить с лекцией в бостонском отеле «Копли-Плаза». Лавкрафт посетил мероприятие и остался совершенно очарован энергичным человеком, в котором сочетались ипостаси пэра, поэта, писателя, солдата, спортсмена и путешественника. Дансени воплощал суперэго самого Лавкрафта. Это заметно невооруженным взглядом из эссе, которое приведено в данной книге. Лавкрафт, описывая внешность своего кумира, дает оценку и характеру Дансени: «его утонченное, красивое лицо со здоровым румянцем на щеках, выражает необычайную, пленительную доброту... Голос сочный и приятный, а произношение

свидетельствует о замечательнейшем британском воспитании»*. Лавкрафт называет творчество Дансени «непревзойденным в волшебстве кристальной поющей прозы и величайшим в создании великолепного и томного мира радужно диковинного образа» и сетует лишь на то, что его кумир, «из всех ныне живущих авторов, пожалуй, самый оригинальный, уникальный и наделенный богатейшим воображением, [до сих пор] не удостоился особого признания...» Поэтика произведений Дансени повлияла на манеру самого Лавкрафта, создавшего, как и его любимый ирландский маг, впечатляющий пантеон божеств.

Кстати, о богах и героях. В сентябре того же года был написан рассказ «Претворение Хуана Ромеро». Это произведение немного отличается от литературных экспериментов, которые Лавкрафт проводил в то время. Подражая французским декадентам девятнадцатого века, он пытался сочинять поэмы в прозе. Может быть, в этом одна из причин, по которой «Претворение...» так и не было опубликовано при жизни автора: он считал рассказ неудачным и запрещал издавать его даже в любительской прессе. А между тем у произведения есть явные достоинства. В центре истории – странный инцидент, имевший место в 1894 году на Нортонском руднике, где-то на юго-западе США; впрочем, писатель не уточняет место. Как и в большинстве произведений Лавкрафта, повествование ведется от первого лица, и автор, как прекрасный художник, вплетает краски из палитры фантастического вымысла в реальную жизнь американских шахтеров.

Рассказчик, который «много времени провел в Индии», переехал из родных краев на запад Америки, чтобы стать простым рабочим. На шахте он сводит знакомство с мексиканским горняком по имени Хуан

* Здесь и далее – перевод В. М. Липки.

Ромеро, которого буквально завораживает индийское кольцо, принадлежащее главному герою. Мотив далекой и загадочной восточной страны буквально пропитывает литературу будущих звезд фантастики: достаточно вспомнить хотя бы такие ранние произведения Кларка Эштона Смита, как «Призрак Мохаммеда Дина» (1910), «Махаут» (1911), «Раджа и тигр» (1912). Согласно Лавкрафту (а он мыслил в глобальном масштабе!), именно таинственный восток — Египет, Индия и арабские страны — сохранил, в отличие от Европы, древнейшие и «мерзейшие» оккультные знания минувших эпох. Связь этих знаний с трагедией, которая произошла с Хуаном Ромеро, не случайна, как не случайна и пропажа кольца, которая, возможно, послужила причиной спасения рассказчика, оказавшегося, после взрыва в шахте, в громадной пещере, что завлекла в свои недра и самого Ромеро во время неожиданно начавшейся бури... А может быть, все это просто пришло к нашему герою? Ведь поутру остальные горняки клялись, что ночью никто не покидал барака. Как бы то ни было, рассказчик так и не поведал своим читателям обо всех ужасах, которым он стал свидетелем в таинственной пещере, когда под грохот барабанов и какофонию множества голосов, напоминавшую древнее обрядовое действие, обезумевший мексиканец выкрикивал имя ацтекского бога войны Уицилопочтли, которому много веков назад приносили человеческие жертвоприношения.

Вообще герои, которые бесстрашно и самозабвенно бросаются исследовать необъяснимые, жуткие и сверхъестественные события в странных местах и при загадочных обстоятельствах, встречаются в творчестве Лавкрафта постоянно. Как верно заметил знаменитый французский писатель Мишель Уэльбек: они «отвергают от себя всякую жизнь, отрекаются от всякой человеческой радости, становятся чистым интел-

лектом, чистым разумом, направленным к единственной цели: поиску знания»*.

В январе 1921 года Лавкрафт написал «Безымянный Город», рассказ, который, как считается, является зародышем знаменитых мифов Ктулху. Автор в переписке с друзьями упоминал, что замысел произведения был навеян сном и впечатлениями от рассказов Дансени из цикла «Книги чудес». Поэтому неудивительно, что герой Лавкрафта нараспев декламирует рефрен «Непроницаемой черноты бездны» лорда Дансени. Впервые в этом рассказе упоминается и безумный араб Абдулла Аль-Хазред, имя, которое Лавкрафт выдумал в возрасте пяти лет под впечатлением от прочтения сказок «Тысячи и одной ночи Шахерезады». Да и вообще при чтении рассказа возникают яркие образы средневековых арабских городов, ощущается вкус песка на губах и пронизывающий до костей холод ледяной ночи в пустыне.

Рассказчик Лавкрафта — бесстрашный герой-одиночка, который путешествует по отдаленным районам Аравийской пустыни, где находит древнейший Безымянный Город, запорошенный прахом смутных веков. Это место, по мнению рассказчика, хранит столь ужасные тайны, что ни один человек не должен их узнать. Именно о Безымянном Городе мечтал безумный поэт Абдулла Аль-Хазред, когда вдохновился на написание своего необъяснимого двустишия:

В том, что покойно долгий срок, не всяко жизни нет,
И смерть постигнет смертный рок
с теченьем странных лет**.

Лавкрафт не упоминает в этом рассказе знаменитый «Некрономикон», вымышленный древний гри-

* Перевод И. Вайсбура.

** Перевод Г. О. Шокина.

муар Аль-Хазреда, но двестишие скоро станет одной из самых известных цитат, связанной с циклом мифов Ктулху, хотя согласно некоторым изданиям она является всего лишь парафразой из трактата персидского ученого и философа Ибн-Сины, или Авиценны.

В ожидании рассвета рассказчику кажется, что он слышит «в некоей отдаленной глубине не лишенный своеобразной музыкальности металлический звон, припевающий огненный диск точно так же, как приветствует солнце Мемнон с берегов Нила»*. Войдя в город, герой задается вопросом, был ли он построен людьми, поскольку «древность этого места угнетала»; исследуя руины, герой поначалу не находит ничего определенного. Но сама атмосфера места заставляет его вспомнить о древних городах Сарнате и Иб, которые упоминаются в рассказе «Рок, покаравший Сарнат», вписываясь, таким образом, в единую, но еще не структурированную Вселенную Лавкрафта.

Рассказчик обнаруживает храмы и святилища, спускается во тьму тоннелей, где изучает древнейшие фрески, рассказывающие об истории Безымянного Города и его обитателей, и с каждой строчкой, с каждым абзацем Лавкрафт по крупницам, по каплям нагнетает атмосферу страха и ужаса, пока та не начинает буквально звенеть в воздухе.

«Безымянный Город» тематически предвосхищает большую часть более поздней мифологии Лавкрафта — в том смысле, что «классические» рассказы о мифах Ктулху, хотя и в большем, космическом масштабе, затрагивают темы последствий и влияния на человека и человечество «доисторического» прошлого Земли. Но это нисколько не умаляет достоинств «Безымянного Города», повествования искусного и убедительного. Читатель ощущает страх рассказчика, разделяет его

* Перевод Г. О. Шокина.

навязчивый, незабываемый поиск, спускаясь вместе с ним в глубинные недра первобытного города; и когда герой делится своими ужасными предположениями, мы, вероятно, догадываемся о судьбах древних рептилий раньше него самого, и между рассказчиком и читателем возникает знакомое лавкрафтовское напряжение. В стилистическом плане и по масштабу своих тематических подтекстов эта история предвещает грядущие вещи Лавкрафта.

Еще одно произведение, в котором ярко проявляется атмосфера древних городов, арабских пустынь, а также исключительное мужество, упорство и несгибаемость героев Лавкрафта, — рассказ, озаглавленный в рукописи «Под пирамидами», но опубликованный в *Weird Tales* под названием «Узник фараонов». Текст был создан в феврале — марте 1924 года, непосредственно перед переездом Лавкрафта в Нью-Йорк, по заказу знаменитого иллюзиониста Гарри Гудини (под именем которого он и был впервые издан). Когда в начале марта 1924 года Лавкрафту пришлось ускользнуть от своих тетюшек в Нью-Йорк, чтобы жениться на Соне Грин, молодой писатель прихватил с собой черновик рассказа, а окончательный машинописный вариант для отправки в журнале он подготовил во время первой брачной ночи.

В рассказе (повествование ведется от первого лица) описываются события, которые якобы произошли со знаменитым фокусником во время его отпуска в Египте. Несколько страниц посвящены красочным деталям первых впечатлений рассказчика от страны фараонов, — деталям, которые Лавкрафт, никогда, конечно же, не бывавший в Египте, взял на себя труд тщательно изучить. И следует признать, что фантасту великолепно это удалось: чего только стоят описания улиц древнего Каира, средневекового колорита его базаров и площадей!

После экскурсии по пирамидам и осмотра Сфинкса в компании гида по имени Абдул Рейс, рассказчик стано-

вится свидетелем ссоры между своим спутником и неким Али Зизом. Недруги решают уладить свои разногласия в ночной схватке на вершине Великой пирамиды. Стоит отметить, что в начале прошлого столетия большинство путешественников, которые посещали пирамиды Египта, не просто фотографировались на фоне последних, а поднимались на вершины древних сооружений, где устраивали веселые попойки (о да, по сравнению с былыми временами современные туристы в Гизе сегодня проводят время довольно скучно!). Следуя за толпой зевак в назначенное место, рассказчик, посмотрев бой, обнаруживает, что вся последовательность событий была инсценирована: все происходящее — лишь ловушка для него. Толпа набрасывается на героя, связывает, затыкает кляпом рот и уносит в какое-то место, находящееся невероятно глубоко под землей.

Конечно, Гарри Гудини не был бы самим собой, если б не смог легко освободиться от сковавших его пут. Затем герой понимает, что очутился невесть где. После долгих, мучительных блужданий при свете факелов он видит орду странных существ, на описание которых Лавкрафт не поспешил: чего только стоит вид прекрасной царицы Нитокрис с пожранными крысами лицом! Среди чудовищ присутствуют и давно почивший царь Хефрен, он же гид Абдул Рейс: вместе с сотоварищами он приносит жертвы ужасному созданию размером с гиппопотама. И тут рассказчик, как это часто бывает с героями Лавкрафта, почти теряет рассудок и при первой возможности уносится прочь. Вопрос о том, «какое же колоссальное, вызывающее отвращение чудовище исходно являл собой Сфинкс» до того, как Хефрен изменил лик статуи по своему образу и подобию, становится ясен для читателя.

Поразительно, однако, что после создания произведения, которое ловко адаптирует египетские знания к целям рассказа о сверхъестественном — посредством,

в частности, мощных натуралистических описаний — Лавкрафт, кажется, портит рассказ заключительным предложением: «Я выжил... и верю — желаю поверить, — что все это мне лишь пригрезилось». Возможно, автор использовал эту фразу, согласно замыслу редактора журнала или самого Гудини. Тем не менее с художественной точки зрения концовка граничит с ребячеством, как по звучанию, так и по своему ослабляющему воздействию на впечатления, непосредственно ей предшествующие. Техника «ненадежного рассказчика» используется Лавкрафтом в таких рассказах, как «Вне времени» и «Крысы в стенах»: автор как бы дразнит читателя сомнениями относительно адекватности рассказчика.

Настоящее издание замыкает важнейший роман Лавкрафта «Хребты безумия», который, словно монаршая корона, вобрал в себя все самоцветы, изумруды и опалы из более ранних произведений писателя. В этом тексте мы находим огромное количество топонимов — Аркхем, Кингспорт, плато Ленг, Гиперборея и другие, — которые связывают большую часть произведений писателя в единую Вселенную.

«Хребты безумия» были написаны в начале 1931 года и, как считает С. Т. Джоши, это произведение стало «самым амбициозным покушением Лавкрафта на искусство космического пейзажа; во всех смыслах триумф».

Лавкрафт с детства был очарован Антарктидой. «Примерно в 1900 году я стал страстным приверженцем географии и истории и страстным фанатиком исследования Антарктики», — писал он в ноябре 1916 года, а спустя четырнадцать лет признавался, что холодный континент «имел первостепенное значение в [его] фантастической географии». Поэтому неудивительно, что перемещение персонажей произведения при желании можно проследить по крупномасштабной карте Антарктики. Безусловно, Лавкрафта вдохновлял роман Эдгара По «Повесть о приключениях Артура Гордона

Пима». И хотя в «Хребтах безумия» не так уж и много заимствований из текста великого романтика — помимо жуткого «Текели-ли!», одинаково загадочного и необъяснимого как у По, так и у Лавкрафта, — мы находим разбросанные по тексту отсылки к «Пиму»: больше всего они напоминают «пасхалки», оставленные поклонникам нью-йоркского визионера. Видимо, ради собственного удовольствия Лавкрафт упоминает в романе Кларка Эштона Смита, своего друга по переписке и коллегу по писательскому цеху, который якобы создал «кошмарные иллюстрации» к «Некрономикону»; этот оммаж также можно отнести к «пасхалкам». В описаниях величественных гор Антарктиды можно проследить влияние завораживающих полотен Николая Рериха, которого Лавкрафт неоднократно упоминает в романе и чьи картины писатель видел во время выставки в Нью-Йорке.

В центре повествования — судьба антарктической экспедиции, которую предприняли сотрудники Мискатоникского университета во главе с профессором Дайером. Путешествие исследовательской группы начинается многообещающе, а заканчивается — трагедией и кошмаром. Ученые обнаруживают последних представителей великой древней расы Старцев, спустившихся со звезд, чтобы возвести колоссальные города в Антарктиде и других местах. Рассуждая об их передовых технологиях, Лавкрафт, в сущности, описывает генную инженерию: так, Старцы «создавали многоклеточные протоплазменные массы, способные под гипнотическим влиянием строить различные ткани и формировать временные органы»*, что не только позволило древней цивилизации править планетой, но и создать здесь разумную жизнь. Ученые постепенно начинают сознавать свою схожесть с Великими Древними, ведь

* Перевод А. В. Третьяковой.

казавшиеся, согласно Лавкрафту, на первых порах ужасными и гротескными Старцы — на самом деле мудрые творцы. Это заставляет переосмыслить само понятие ужаса: многое из того, что представляется нам страшным, просто находится вне области нашего познания и представляется таковым лишь нашему биологическому виду — людям, лишенным глубинного знания и поминания многих вещей и явлений. В этом один из важнейших посылов культового романа мастера «литературы о сверхъестественном»; впрочем, в этом тексте можно обнаружить и множество других удивительных идей.

Коснувшись темы звезд и космоса, которая была близка Лавкрафту с юных лет (он увлекался астрономией, издавал собственный любительский журнал и даже одно время мечтал стать ученым звездочетом, но подкачали знания математики), писатель никогда не отпуская ее слишком далеко. А те из читателей, которые считают Лавкрафта только автором сверхъестественной литературы, просто обязаны познакомиться с его научно-фантастической повестью «В стенах Эрика».

В период с 1934 по 1937 год, в период радикального ухудшения здоровья, Лавкрафт писал очень редко, фактически создав только два крупных произведения — помимо упомянутого «В стенах Эрика» (январь 1936 года, совместная работа с Кеннетом Стерлингом), и «Ночного океана» (совместно с Робертом Барлоу, 1936). И все же эти тексты, написанные «затворником из Провиденса» в сложный период его жизни, ясно дают понять: литературный гений не изменял Лавкрафту до самого конца.

Научно-фантастический рассказ ужасов «В стенах Эрика», действие которого разворачивается на Венере (в локациях, нехарактерных для остальных текстов Мастера) в эпоху колонизации и освоения этой планеты землянами, по стилю и манере повествования является истинно лавкрафтианским.

История снова ведется от первого лица: мы читаем дневник Кентона Дж. Стэнфилда (имя героя очень напоминает своим созвучием имя соавтора Лавкрафта, ученика средней школы города Провиденс), землянина. Ментальный облик героя напоминает испанского конкистадора, охотящегося на гигантский энергетический венерианский кристалл, почитаемый в качестве религиозного объекта похожими на рептилий обитателями планеты. Но жажда наживы выходит боком для Стэнфилда: он понимает, что заблудился в огромном лабиринте. Читатель следует за героем, который в течение нескольких бесплодных дней и мучительных, сводящих с ума усилий пытается найти выход, а его мучители-рептилии с ироническим весельем наблюдают за происходящим снаружи. В рассказе присутствуют характерные для ранней научной фантастики артефакты, такие как респиратор, работающий на хлорат-натриевых дыхательных кассетах, детекторы для поиска кристаллов, различные планетолеты, защитные скафандры и лучеметы.

В отличие от реальной Венеры планета, изображенная Лавкрафтом, характеризуется тропическим климатом и заполнена пышноцветущими заболоченными джунглями и различными противными насекомыми, а ее атмосфера ядовита для человека. В данном случае мы не имеем права ни в чем укорять Мастера (и его «соавтора»), так как первые достоверные сведения о второй планете от Солнца появились спустя почти тридцать лет после его смерти, когда мимо Венеры пролетели автоматические межпланетные станции «Венера-1» и «Маринер-2». Автохтонное население Венеры — раса рептилоидов — упоминается и в других произведениях Лавкрафта, часть которых встречается и в этой книге: «Безымянный Город», «Рок, покравший Сарнат», «Зов Ктулху», «Шепчущий во тьме» и «Хребты безумия».

Одной из особенностей произведения — снова! — является использование различных каламбуров, шуток и «пасхалок». Например, отвратительное насекомое, называемое гнусной мухой-фарнотхи»: видимо, в какой-то момент редактор *Weird Tales* Фарнсворт Райт впал в немилость у Лавкрафта — возможно, вследствие частых отказов в публикации. Также присутствуют акманы и скороаги, или летающие такахины, которые названы в честь известного фэна научной фантастики Форреста Дж. Акермана и писателя-фантаста Кларка Эштона Смита, с которыми Лавкрафт состоял в переписке. Что касается топографии Венеры, то вы не найдете никаких плато Эрикса или Диониса на глобусе «утренней звезды», хотя даже в наши дни вторая планета от Солнца представляет загадку для исследователей и ученых. Возможно, когда-нибудь равнины и возвышенности этой планеты и назовут в честь древнегреческого бога вина или сына богини Венеры, а может быть — и в честь самого Лавкрафта.

После прочтения этого увлекательного рассказа остается лишь сожалеть, что Лавкрафт не прожил дольше и не обогатил жанр научной фантастики, в котором его бесстрашные герои-джентльмены отправились бы покорять просторы Солнечной системы.

Александр Речкин

ХРЕБТЫ БЕЗУМИЯ

ПРЕТВОРЕНИЕ ХУАНА РОМЕРО

О событиях, что произошли на Нортонском руднике 18 и 19 октября 1894 года, рассказывать у меня нет желания. Лишь чувство долга перед наукой побуждает меня вспомнить теперь, в последние годы моей жизни, о явлениях и происшествиях, исполненных ужасом вдвойне острым оттого, что я не могу полноценно его определить. Однако я считаю, что, прежде чем умру, мне следует поведать все, что я знаю о том, что вернее будет назвать претворением Хуана Ромеро.

Мое имя и происхождение нет нужды сообщать потомкам; более того, полагаю, это и к лучшему, поскольку когда человек внезапно мигрирует в Штаты или колонии, он оставляет свое прошлое позади. К тому же то, кем я был, ни в малейшей степени не касается моего повествования, за исключением, возможно, лишь факта, что во время моей службы в Индии я скорее чувствовал себя как дома среди местных седобородых учителей, нежели чем среди своих братьев-офицеров. Я немало углубился в дивное восточное учение, когда меня настигли бедствия, что привели меня к новой жизни на просторах американского Запада — жизни, в которой я счел нужным принять свое нынешнее имя, весьма распространенное и не несущее никакого смысла.

Летом и осенью 1894 года я проживал на унылых просторах Кактусовых гор, трудясь простым рабочим на знаменитом Нортонском руднике, чье открытие пожилым изыскателем, случившееся за несколько лет до того, превратило окружающий район из почти необитаемой пустоши в бурлящий

котел неприглядной жизни. Пещера с золотом, лежащая глубоко под горным озером, обогатила почтенного искателя сверх его смелейших мечтаний, а ныне корпорация, которой та наконец была продана, проводила обширные тоннельные работы. Здесь обнаружили дополнительные полости, и выход желтого металла оказался чрезвычайно велик — настолько, что даже могучей и разнородной армии шахтеров приходилось денно и нощно трудиться в многочисленных проходах и скальных ложбинах. Управляющий, мистер Артур, часто рассказывал об особенностях местных геологических формаций, рассуждая о возможной протяженности пещер и оценивая будущее горнодобывающего предприятия титанического масштаба. Он считал, что золотоносные полости возникли благодаря воздействию воды, и верил, что вскоре будет открыта последняя из таковых.

Незадолго до моего прибытия и найма на Нортонский рудник попал Хуан Ромеро. Один из множества неопрятных мексиканцев, привлеченных сюда из соседней страны, по первости он привлекал внимание лишь своею внешностью, которая явственно выдавала в нем краснокожего индейца, однако отличался тем, что оттенок его был светел, а стан изящен, а посему он совершенно не походил на среднего засаленного мексиканца или местного пайюта. Любопытно, что, хотя он столь заметно выделялся среди массы как испанизированных, так и племенных индейцев, Ромеро ничуть не был похож и на белого. Не относился он ни к кастильским конкистадорам, ни к американским пионерам, а восходил к древним и благородным ацтекам, что вызывал в воображении образ безмолвного батрака, который встает ранним утром и зачарованно вглядывается в поднимающееся над восточными холма-

ми солнце, протягивает к его сфере руки, словно исполняя некий ритуал, чьей природы сам не понимал. Впрочем, кроме лица, ничто в Ромеро не навело и мыслей на его благородство. Грязный и невежественный, он непринужденно выглядел в кругу других смуглых мексиканцев и происходил, как мне открылось позднее, из самых низких слоев. Его нашли ребенком в примитивной горной хижине, где он один выжил после смертоносной эпидемии. Рядом с хижинкой, неподалеку от довольно необычной скальной расщелины, лежали два скелета, недавно обглоданные стервятниками и, по-видимому, являвшие собою все, что осталось от его родителей. Никто их не опознал, и вскоре о них забыли. А когда последующая лавина разрушила глинобитную хижину и закрыла расщелину в скалах, из памяти стерся и сам тот случай. Возвращенный скотокрадом-мексиканцем, который и дал ему имя, Хуан не слишком отличался от своих собратьев.

Преданность, которую проявлял ко мне Ромеро, несомненно, происходила от древнего и занятого индусского кольца, которое я носил, когда не был занят активным трудом. Поведать о его природе и о том, как оно очутилось в моем владении, я не могу. Оно служило последней моей связью с навсегда закрытой главой жизни, и я высоко его ценил. Вскоре я заметил, что странного вида мексиканец также им заинтересовался: разглядывал с таким выражением, какое изгоняло всякие подозрения на обычную алчность. Старинные иероглифы словно пробуждали смутные воспоминания в его неискушенном, однако живом уме, хотя он мог и не видеть ничего подобного прежде. В следующие несколько недель после своего прибытия Ромеро стал мне будто верным слугой, и это притом, что я сам был лишь обычным шахтером. Общение наше проис-

ходило в вынужденно ограниченном виде. Он знал по-английски всего несколько слов, тогда как мой оксфордский испанский выявился несколько отличным от говора батраков Новой Испании.

Событие, о котором я намереваюсь поведать, никоим образом не предвещалось. Хотя Ромеро был мне интересен, а мое кольцо необычайно его влекло, я не думаю, что кто-либо из нас ожидал то, что последовало за тем, как случился мощный взрыв. Геологические соображения диктовали расширение рудника непосредственно вниз из наиболее глубокой ее подземной части; ввиду убежденности заведующего в том, что ниже может встретиться лишь твердая порода, был заложен огромный заряд динамита. Поскольку ни я, ни Ромеро этого не касались, о чрезвычайных обстоятельствах мы впервые узнали от других. Заряд, вероятно, бывший более тяжелым, чем оценивалось, казалось, сотряс всю гору. В лачугах на склоне разбились окна, а шахтеров во всех ближайших проходах сбilo с ног. Озеро Джуэл, что располагалось над местом действия, всколыхнулось, как при буре. Затем расследование показало, что ниже точки взрыва разверзлась новая пропасть — столь чудовищная, что ее было не измерить никаким ручным лотом и не осветить никаким фонарем. Копатели, сбитые с толку, спросили совета у своего управляющего, на что тот приказал спустить в яму длинные веревки, связывая их непрерывно, пока не обнаружится дно.

Вскоре после того побледневшие рабочие доложили управляющему о своей неудаче. Они твердо, пусть и с уважением, заявили о своем отказе вновь входить в расселину и вовсе продолжать работу в руднике, куда тот не будет запечатан. Очевидно, что они столкнулись с тем, что лежало за рамками их понимания, поскольку, по их убеждению, пустота

внизу простиралась бесконечно. Управляющий не стал их упрекать. Вместо этого он глубоко задумался и составил множество планов на следующий день. Ночная смена в тот вечер на работу не вышла.

В два часа ночи на горе уныло завыл одинокий койот. Где-то в лагере лаем ответила собака — то ли койоту, то ли чему-то иному. Вокруг вершин хребта собиралась буря, и странной формы облака страшно неслись поперек размытого пятна небесного света, отмечавшего попытки горбатой луны пробиться сквозь множественные слои перистых паров. Меня разбудил голос Ромеро, донесшийся с койки надо мною; голос был взволнован и напряжен от некоего смутного ожидания, которого я не мог понять.

— ¡Madre de Dios!... el sonido... ese sonido... ¡oiga Vd! ¿lo oye Vd?...* Señor, этот звук!

Я прислушался, пытаюсь понять, что за звук он имел в виду. Койот, собака, буря — все это было слышно, и последняя набирала силу по мере того, как все яростней завывал ветер. За окном барака вспыхивали молнии. Я стал расспрашивать мексиканца, повторяя звуки, которые слышал прежде:

— ¿El coyote?... ¿el perro?... ¿el viento?*

Но Ромеро не ответил. А потом, будто с благоговением, прошептал:

— El ritmo, Señor... el ritmo de la tierra...*** Бие-ние из земли!

И тогда я услышал сам — и содрогнулся, хоть и не зная отчего. Снизу, с глубины, доносился звук — ритм, точно как указал батрак, — и, пусть был чрез-

* Матерь Божья!.. Звук... этот звук... Эй, вы! вы это слышите?.. (исп.) — Здесь и далее — примеч. переводчиков.

** Койот? Собака? Ветер? (исп.)

*** Ритм, сеньор... ритм земли (исп.).

вычайно слаб, он преобладал даже над собакой, кой-отом и усиливающейся бурей. Пытаться его описать нет смысла, ибо никакого описания этому быть не может. Вероятно, так ощущались на палубе двигателя, что работали в глубине великого парохода, и все же звук не был механическим, не представлялся лишенным элемента жизни и сознания. Из всех его свойств сильнее всех меня впечатляла его удаленность от земли. В мой разум ворвалось воспоминание об отрывке из Джозефа Гленвилла, который весьма выразительным образом приводил По:

...необъятность, огромность и непостижимость Его творений, коих глубина величиною более Демокрита-ва колодца.

Вдруг Ромеро вскочил со своей койки, остановился передо мной, дабы взглянуть на странное кольцо у меня на руке, которое причудливо сияло при каждой вспышке молнии, а затем пристально уставился в сторону ствола шахты. Я также поднялся, и какое-то время мы оба не двигались, напрягая слух, пока неизъяснимый ритм словно бы становился все более живым. Затем, без видимой на то воли, мы начали двигаться к двери, которая своим дребезжанием от ветра придавала утешительное чувство мирской действительности. Пение из глубин — ибо звук этот чудился теперь таковым — становилось громче и отчетливей, и мы почувствовали, что нас неодолимо тянет туда, в бурю, а затем — в зияющую черноту ствола.

Нам не повстречалось ни одного живого существа, ибо рабочие ночной смены были освобождены и, без сомнения, находились в поселении Сухого ущелья, где изливали зловещие слухи в уши каково-нибудь сонного бармена. Только в домике сто-

рожа мерцал, словно всевидящее око, небольшой квадрат желтого света. Я смутно задумался о том, как ритмичный звук воздействовал на сторожа, но Ромеро теперь шагал быстрее, и я следовал за ним, не задерживаясь.

Когда мы стали спускаться в шахту, звук внизу начал раскладываться на составляющие. Я вдруг ощутил в нем ужасное сходство с каким-нибудь восточным обрядом, где бьют в барабаны и поют на множество голосов. Ведь, как вы знаете, я много времени провел в Индии. Мы с Ромеро продвигались без существенных колебаний через выработки и вниз по лестницам, неуклонно приближаясь к тому, что нас манило, лишь с жалким беспомощным страхом и неохотностью. В какую-то минуту мне подумалось, что я сошел с ума — это случилось, когда, рассуждая о том, как наш путь освещался в отсутствие лампы или свечи, я понял, что старинное кольцо у меня на пальце сияло со зловещей яркостью, рассеивая бледные блики по тяжелому сырому воздуху, что нас окружал.

Ромеро, спустившись по одной из многих грубых лестниц, безо всякого предупреждения ринулся бежать и оставил меня одного. Столь разительно подействовала на него слабая, но уловимая новая безумная нотка в ударах барабанов и в пении, и с диким воплем он неуправляемо устремился в пещерный мрак. Я слышал, как он вновь и вновь вскрикивал впереди меня, неуклюже спотыкаясь на ровной поверхности и бешено карабкаясь по шатким лестницам. И как бы я ни был испуган, я все же подмечал, что его речь, когда оказывалась разборчивой, не относилась ни к одному из известных мне языков. Грубые, но выразительные многосложные слова вытеснили привычную смесь плохого испанского и еще худшего английского, и только часто повто-

